

К. А. Баршт **ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ
РЕСУРСЫ ВЕЩЕСТВА
(Н. Ф. Федоров,
В. И. Вернадский,
А. П. Платонов)**

Связь между идеологией русского космизма и творчеством Андрея Платонова была отмечена с самого начала изучения творчества русского писателя¹, нет сомнений в том, что «основная тема, мучающая героев Платонова, это тема единства»², а центральным понятием его художественного языка является «вещество существования»³. В основании гипотезы космизма лежит предположение о непрерыв-

ной и целенаправленной эволюции Мироздания, а также особой роли в этом процессе человека, само существование и назначение которого объясняет цель и смысл эволюции. Из былого заложника «слепой природы» он становится ее активным преобразователем, а деятельность человека становится основополагающей частью его будущей гармонии с Космосом – «пасхального дела» (Н. Ф. Федоров), «Новой культуры» (Н. А. Бердяев), Промысла Божия (С. Н. Булгаков), «ноосферы» (В. И. Вернадский) или «Нового Октября» (А. П. Платонов). В соответствии с общей для всех них идеей «активной эволюции», предназначение человека в Космосе – быть его организатором и рачительным хозяином: «обращение слепой силы природы в управляемую разумом будет и целью, и средством» (II, 367). Существование смерти мыслится как выражение диссонанса в реальности Мироздания, это проблема общая и для Космоса, и для человека: «Тут не два источника, а один, <...> природа, сознавая в нас, в живущем поколении, утраты, восстанавливает через нас, через наше знание и дело, из самой себя эти утраты, то есть все умершие поколения» (I, 101). Предполагается, что общий для всех русских космистов вопрос о том, «чесо ради создан бысть человек» (I, 409), поставленный таким образом, не может быть решен спекулятивно-умозрительным способом и требует подключения научного, в частности, физико-химического описания «вещества», из которого создан мир и тело человека. Параметры этого «вещества», соответствующей ему этико-онтологической гипотезы, составляют центральный пункт той или иной идеологической модели; меняются, параллельно с картиной мира, этика, эстетика и онтология, уступая свое место «супраморализму», «организации» и «деонтологии». Вселенная мыслится как единая сущность, цельное время-пространство, неравномерность которого образует окружающий нас предметный мир и историю человечества.

Феномен русского космизма замечателен тем, что впервые за всю историю человечества религиозный, естественно-научный и художественно-эстетический методы познания оказались включенными в один идеологический конструкт. Разумеется, Федоров с одной стороны, Платонов и Вернадский – с другой, принадлежали к разным поколениям, их концепции находятся в разных разделах истории культуры и науки. Изменения, которые претерпели в этих системах фундаментальные положения федоровской космологии, объясняются не только личными склонностями автора или простым влиянием времени, но описывают традицию космологической теоре-

мы, указывают на важные свойства и вектор развития космологической идеи в целом. Особенно если речь идет о семантике научных или философских терминов (если речь идет о писателе — знаков поэтического языка).

В данной статье будет рассмотрена важная для русского космизма категория «вещества жизни» («материя», «атомы», «вещество существования»). Трактовка этой категории непосредственно связана со свойственной космистам верой в развитие Вселенной и в силу человеческого разума, способного активно подключить человека к глобальной эволюции Мироздания, уверенностью в возможности объединения людей вокруг общей для всех цели — построения общества без социальных проблем и пресловутого «генерирования трупов»⁴.

Морально-психологический фундамент, на котором развивается идеология космизма, — принципиальный отказ от апокалипсиса, не неизбежного и преодолимого, хотя и реально угрожающего человеку. Существование природы разделяется на два этапа: природу «слепую», не управляемую Разумом, и «зрячую», которая подчинится разуму «сынов человеческих», в свою очередь, выполняющих волю Творца. Отсюда ясно, что человеческое сознание — если и не все самосознание Вселенной, то, во всяком случае, существенная часть этого вселенского самосознания, самооценки и самоделания, в которые превращается в этом случае Творение. Таким образом, самоделание «живым веществом» самого себя — это основная линия истории человечества. Название колхоза в «Котловане» — «им. Генеральной линии» — не саркастическая цитата из сталинского партийного новояза, скорее здесь речь идет о кардинальной линии развития эволюции, когда «самодельный» человек занимает место у руля Творения. Эта «Линия», ведущая ко всецелой организации человеком Вселенной, очевидно пересекает критическую точку эсхатологического свойства: «на бесконечной линии времени допускается существование некоей обобщенной или критической точки, в которой «пред-история» сменяется историей»⁵, марксисты много говорили об этой точке, утверждая, что здесь будет совершен переход из царства необходимости в царство свободы. Телеология «генеральной линии» космического пути человечества — «воскрешение отцов» Федорова, «ноосфера» и «автотрофное человечество» Вернадского, остановка энтропии «самодельными людьми» Платонова, другие теоремы, оплодотворенные идеей Вечности и Спасения.

Федоров настаивает на воскрешении всех живших на земле людей, Вернадский говорит о принципиальном единстве (и определен-

ном равенстве) участников биосферы, включая все живые организмы, и перспективе обращения их в оочеловеченную и вечную «ноосферу», а Платонов уже думает о спасении всего «вещества существования», включая животных, растения, минералы, и в его системе окончательно стирается различие между «существом» и «веществом». То есть если у Федорова «субъектом планетарного и космического преобразовательного действия признается <...> соборная совокупность созидательных, чувствующих существ»⁶, то Платонов делает следующий шаг в этом направлении: субъект и объект «соборного действия» совпадают – вещество существования «самодельно» преобразует себя само, за счет формирования «генераторов-резонаторов» энергии – человеческого сознания («мозга»). Федоров сделал самый важный шаг в этом направлении – он отказался от традиционного трансцендентного воскресения в пользу воскрешения «имманентного», у Платонова акцент смещен: в центре его космологии, вместо «спасающегося человека» находится спасающееся «вещество жизни», а вместо «воскрешения отцов» из вещества Вселенной – спасение самого этого «вещества жизни» (усилиями специально оформленной и выработанной для этой цели его части – человека) – от смертного состояния, которое и есть корень всех бед, включая, конечно, и смертность человека. Для Вернадского особую роль приобретала борьба между «живой» и «косной» материей, нынешнее положение в этой борьбе обозначает сегодня биология человека, отнюдь не «венца природы», но существа промежуточного, идеалом которого является оживление и получение сознания всем Сушим. Проект Федорова основан на регуляции природы на основе актуализации родства между людьми, которое осмыслено как состояние полного «сыновства»; Платонов коренным образом меняет этот пункт: сыновство не только по отношению ко всем жившим на земле («отцам»), но и по отношению ко всей наличной материи Вселенной, рассматриваемой как живое правещество, пребывающее в теле человека с совершенно определенной целью, понять которую – составляет главную задачу человека, так как уровень понимания этой цели и качество самоспасения «вещества» полностью совпадают⁷.

Таким образом, идея о «сокровенности» (жизнетворности) вещества Мироздания, способного к «самodelанию», вероятнее всего, была транслирована Платонову из произведений Вернадского. Понимая жизнь как форму существования «материи», Вернадский считал, что грядущая перестройка человеком Мироздания будет осуществляться не на макро- но на микроуровне, где предметом работы станет «атом-

ная структура Вселенной»⁸, причем в результате будет создан новый организм, в котором реализуется преображенное человечество. Следовательно, усилия специфической религии-науки, создаваемой Вернадским, должны сосредоточиться на понимании физических свойств «вещества жизни». Объявив войну научным и бытовым банальностям, Вернадский отмечает таинственность и слабую исследованность главного и самого важного земного минерала, воды: «химический состав воды в природных соединениях, да и вообще в наших химических представлениях – не ясен. Много здесь принимается условно и, несомненно, играет роль временных построений»⁹. С другой стороны, в основе деятельности биосферы лежит принятие и трансформация энергии самим «живым веществом»: «Химическая энергия биосферы – в ее действенной форме – выявляется из лучистой энергии солнца совокупностью живых организмов земли – ее *живым веществом*»¹⁰. Создаваемая космическими лучами поверхность земли, по Вернадскому и согласно логике строителей «Котлована» и «Чевентура», не только нагромождение безучастной и мертвой материи, но «область энергии, источник изменения планеты внешними космическими силами»¹¹. Другими словами, «живое вещество» – имманентно творческая субстанция, оно постоянно «самоделается»; например, наша планета как ствол дерева, нарастает и живет своей корой – внешней формой. Человек как активная часть биосферы, живет в едином ритме со всем остальным целым, на него распространяется та постоянная «лепка вещества» которая идет под влиянием космических лучей, «лик земли ими меняется, ими в значительной мере лепится». Биологическая жизнь описана Вернадским как «медленное проникновение внутрь планеты лучистой энергии солнца, достигшей его поверхности»¹², собственно, это и есть путь преобразования «вещества существования» из заложника слепых сил природы в «свободное состояние», раскрывающее и его «самодельность» (Платонов) и «самозарожденность» (Вернадский).

Все, что создано человеком на Земле, является ни чем иным, как прямым воздействием солнечных лучей, результатом «тепловых превращений»¹³, поэтому человек обязан упорядочить эти переходы тепла, использовать его рационально и точно. Постоянные «обмены теплом», которые совершаются героями Платонова, заставляют вспомнить о двух важнейших видах энергии, принимаемых биосферой (о третьем виде энергии, который обратит ее в ноосферу, пойдет речь ниже): химическая энергия (обмены веществами) и тепловая энергия (нагрев

океана и атмосферы, служащие затем фоном для реализации химических реакций). Из принимаемой Землей комической энергии «главная часть идет на тепловые процессы земной коры и связана с тепловым режимом океана и атмосферы <...> в создании жизни в биосфере она играет огромную роль»¹⁴. Человеческое существо плотно интегрировано в вещественно-энергетическую картину Мироздания, осознает оно это или не сознает, считает Вернадский. Человек живет не на Земле только, но в «космической среде мира». Причем мысль, вырабатываемая мозгом человека, есть такое же «излучение», пронизывающее вещество и меняющее его свойства, как и другие, мысль — это вид космического излучения и поэтому мыслящий человек оказывается включен в единую энергетическую картину Космоса не менее интенсивно, чем любой генератор или «резонатор»: «кругом нас, в нас самих, всюду и везде, без перерыва, вечно сменяясь, совпадая и сталкиваясь, идут излучения разной длины волн <...> все пространство ими заполнено»¹⁵.

Вернадский, как и Платонов, был убежден в том, что во Вселенной есть определенная цель и вектор развития. Если Платонов считал самым важным компонентом Провидения человека с его возможной энергетически-вещественной праведностью, то Вернадский, как академический ученый, был очень осторожен в таких выводах, хотя и признавал это косвенным образом: «...само живое вещество не является случайным созданием. Оно в себе самом также отражает солнечную энергию, как отражают ее его земные концентрации»¹⁶. Второй важный вывод, который заставляет нас вспомнить о «Чевенгуре»: человек — солнечное существо, несущее, умножающее или растрачивающее энергию солнца, «также отражает солнечную энергию, как отражают ее его земные концентрации», составляя важную, самую существенную деталь в «структуре живой природы в биосфере»¹⁷. Если Платонов считал, что новый преображенный человек должен обладать двумя свойствами — быть активным и чувствительным приемником космической энергии и, одновременно, уметь ее без потерь направить в нужное место, область «вещества», то, в сущности, ту же мысль мы встречаем в «Биосфере» Вернадского: «Мы видим, что неизменно в течение всего геологического времени — под влиянием неуклонного тока лучистой энергии — в биосфере действовал один и тот же химический аппарат, созданный и поддерживаемый в своей деятельности живым веществом. Этот аппарат состоит из определенных концентраций жизни, которые занимают, вечно меняя, одни и те же места в

земных оболочках, отвечающих биосфере <...> Это области, где обтекающая весь земной шар лучистая энергия солнца принимает форму земной свободной химической энергии, причем она отражается в различной мере для разных химических элементов. Существование этих областей планеты связано, с одной стороны, с той энергией, какую она получает от солнца, а с другой — со свойствами того живого вещества, которое является *аккумулятором и трансформатором этой энергии в земную химическую*¹⁸ (курсив мой).

Иногда высказывается предположение, что мечту платоновского героя об идеальном «трансформаторе-резонаторе», который спасет мир, можно понимать как надежду соорудить некое техническое устройство, вроде энергетической подстанции. Однако становится очевидно, что речь идет о самом человеке, преобразенном в «Будущем Октябре». Это новое существо, Новый Адам (у Платонова — «Второй Иван» или «Дванов») должен стать идеальным резонатором-трансформатором космической энергии, способным адекватно, без потерь, куда нужно и сколько необходимо переводить энергию Космоса, аккумулированную Землей (уголь, нефть, торф и пр.), или прямую солнечную энергию. Называя живые организмы «механизмами превращения энергии», Вернадский прямо пролагает путь к вопросу о человеке как осознающем себя таковым «трансформаторе» энергии Космоса. В сущности, именно такова задача всех форм «живого вещества», отличие же человека от других форм жизни должно быть лишь в точности «резонанса» и качестве «трансформации»: «Создавая фотосинтезом — солнечным лучом — многие миллионы различных комбинаций атомов — оно (живое вещество. — К.Б.) непрерывно, с уму непостижимой быстротой покрывает ее (землю. — К.Б.) мощной толщей молекулярных систем, чрезвычайно легко дающих новые соединения, богатые свободной энергией в термодинамическом поле биосферы... Эта форма трансформаторов является совершенно особым механизмом по сравнению с телами земли, в которых идет превращение в новые формы энергии коротких и длинных волн солнечной радиации»¹⁹. В произведениях Платонова герой осознает себя частью энергетического поля Вселенной, мотивы его поступков определяются мерой и качеством участия в трансформировании (и/или генерировании) мировой энергии.

Все живые организмы, с одной стороны, едины со всей потенциально живой материей Мироздания, с другой — образуют относительную целостность, которую мы называем биосферой: «Можно говорить о всей жизни, о всем живом веществе, как о едином целом в

механизме биосферы, хотя только часть его – зеленая, содержащая хлорофилл, непосредственно использует световой солнечный луч»²⁰. Каждое из живых существ обладает своими энергетическими возможностями, и возможности растения – непосредственно принимать и перерабатывать солнечную энергию – недоступны человеку и выглядят в глазах героев Платонова как колоссальное их преимущество по сравнению с несовершенством человека, который может принимать эту энергию лишь опосредованно через другие организмы и вещества. Вернадский уверен в том, что «для решения социального вопроса... необходимо изменить форму питания и источники энергии, используемые человеком»²¹. И здесь он явно перекликается с Федоровым, мечтавшим о преобразении существа пожирающего и убивающего, о коренной перестройке нынешнего, несовершенного человеческого организма, об установлении принципиально новых форм обмена его со средой. Платонов отвечает на это целой галереей героев, ищущих альтернативные источники питания (напр., «Бог» в «Чевенгуре»). По логике Платонова и Вернадского «хищное» – суть несовершенное и несамодостаточное (неавтотрофное), плохо и слабо связанное с космическими процессами, поэтому растения и нехищные животные обладают особой ценностью для Мироздания. Таков у Платонова верблюд в «Джане», Цветок и Корова из одноименных рассказов, Альберт Лихтенберг – получеловек-полуобезьяна, способный питаться самыми малоподходящими для желудка предметами.

Создаваемая космическими лучами поверхность земли, по Вернадскому и согласно логике строителей «Котлована» и «Чевенгура», есть не нагромождение безучастной и мертвой материи, но «область энергии, источник изменения планеты внешними космическими силами»²². Другими словами, планета как ствол дерева, нарастает и живет своей корой. Человек, как активная часть биосферы, живет в едином ритме со всем остальным целым, на него распространяется та постоянная «лепка вещества» которая постоянно идет под влиянием космических лучей, «лик земли ими меняется, ими в значительной мере лепится»²³. Биосфера есть продукт солнечной активности, следовательно, облик человека, создаваемые им формы общественной организации, его наука и техника, «есть создание солнца»²⁴. Люди трактуются Вернадским как «дети Солнца» и здесь он присоединяется к мифам и древним верованиям, которые «гораздо ближе к истине, чем думают те, которые видят в тварях земли только эфемерные создания слепых и случайных изменений земного вещества»²⁵.

Если существование «живого вещества» для многих космистов является опорным тезисом, то о месте этого вещества во Вселенной существует три основные гипотезы. Согласно первой, мир представляет собой тотально мертвое вещество («кладбище»), которое отличается от «живого» лишь порядком расположения в нем молекул, изменив этот порядок, мы можем собрать из атомов живого человека, другими словами, жизнь — это особый порядок во взаимном расположении атомов вещества (Федоров); согласно второй, «живое вещество» (биосфера) борется с «косным веществом» (ювенильным, например), преобразует его, вовлекая в свойственные биосфере химические процессы, другими словами, жизнь есть выражение внутреннего потенциала вещества (Вернадский), согласно третьей, мир состоит из одного и того же «вещества существования», одинаково готового для жизни, однако умирающего, ибо наличие же в нем «жизни» связано с его энергетической наполненностью — фактически, то, что мы называем «жизнью» есть выход энергии, генерирование, трансформирование или транслирование ее (Платонов). «Энергия» понимается здесь очень широко — человек, как и все другие существа и вещества, есть генератор-аккумулятор-трансформатор энергии, причем одного из самых мощных ее видов, энергии мысли-любви (Платонов). Во всех случаях человеческий разум оказывается самой перспективной формой существования «вещества», фактически поглощая собой все новые и новые области Космоса, он становится тотально властвующим организующим началом. Именно разум, по Вернадскому, есть своего рода вещественная «структура», которая необходима Вселенной, и именно поэтому она постоянно самоизменяется, причем в сторону все большего усложнения, тем самым биосфера обращается в ноосферу, а история человечества обращается в историю самоосознания себя Мирозданием. Ноосфера Вернадского — это не тривиальная «власть человека над природой», но Вселенная, осознавшая себя, причем мозг человека — инструмент в процессе Вселенского самоосознания. (Ср. у Федорова: «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою» — II, 239).

«Вещество», из которого построена биосфера, по своим химическим и физическим параметрам ничем не отличается от всего остального вещества Вселенной. Граница между живым и мертвым носит не принципиальный характер, ибо живое и мертвое состоят из одного и того же самоорганизующегося и принципиально живого «вещества». Именно эту логику мы видим в произведениях Платонова. История

человечества сводится у Вернадского к истории биосферы, которая, в свою очередь есть «проявление строения атомов и их положения в космосе, их изменения в космической истории»²⁶. Согласно доктрине «вещества жизни», по-своему разрабатываемой Платоновым, человеческий мозг есть продукт самосовершенствования живого вещества Вселенной. «В живом веществе, — писал Вернадский — создалась новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете не бывавшая, которая нам кажется беспредельной и возможно в будущем выходящей за пределы планеты... “Homo sapiens” охватил планету и подходит к переработке ее в ноосферу»²⁷. Другими словами, у биологической эволюции есть внутренняя программа, которая выполняется в сторону реализации потенциалов мозга. Мозг человека, его сознание осмыслены у Платонова, Вернадского, а ранее у Федорова как лучший инструмент, созданный в Мироздании, однако инструмент, который человек 1) должен корректно применять (в рамках той задачи, для которой он был создан), 2) постоянно совершенствовать и улучшать (путь к этому — человеческая история). Стремление найти себе верное применение в деле творения Вселенной, в рамках «супморализма», содержит требование отказа от своей животной природы, к которой ведет гуманистическая идея «сочувствия» к человеку. Человек, пишет Федоров, должен занять место во вселенной такое же, какое место имеет мозг в его теле (I, 389), следовательно, «конечная цель жизни существ разумных в том, чтобы сделаться начальной причиной самих себя и этим уподобиться первоначальной причине, Божественной Первопричине» (II, 78).

Путь к обретению человеческим сознанием этой функции «мозга Вселенной» Федоров находил в «ургии»; соответствующий ему термин Платонова — «самодельность» человека. Путь к бессмертию заключается в «совершеннолетию» человека. Совершеннолетие же проявится в том, что человек сможет изменить свое собственное физическое состояние с помощью «естественного тканетворения, <...> органосозидания» (II, 296). Федоров требовал, чтобы «органический прогресс» заменил наличный в цивилизации прогресс технический. Человек обязан научиться создавать себе органы, соответствующие его нынешнему положению: «не были ли первые люди существами, которые должны были (и могли это сделать без страдания боли) создать себе органы для существования во всех мирах и во всех средах и таким образом сделаться существами всеобщими, способными жить всюду? Отдав предпочтение наслаждению, человек не принял в обла-

дание этих органов, и не создал себе органов, соответствующих средам». Далее, по мысли Федорова, это привело не только к резкому обеднению возможностей человека, но и к редукции соответствующим им сред, то есть сфер, «стихий», «миров». Развивая технику, человек не совершенствует себя самого, оставляя себя таким как он есть – во всей своей смертной немощи. Как отмечает С. Г. Семенова, «сознание не только управляет физиологическими и биохимическими процессами в организме человека, но и создает новые органы и их функции... Эту способность человека в будущем создавать себе всякого рода творческие органы <...> мыслитель называл “полноорганностью”»²⁸, «только такие полноорганные существа и могут составить глубочайшее нераздельное соединение равных лиц; соединение же особей-органов не может быть обществом понимающих друг друга лиц, а может быть лишь соединением ненавидящих друг друга существ» (I, 301). Ноосфера требует новых путей в связи между ее частями, и потому Платонов также ищет новые формы энергоинформационного обмена между людьми, своего рода «третью сигнальную систему», которая могла бы положить начало той тотальной всемирной связи, которая может преодолеть искажающие смысл барьеры²⁹.

«Полноорганное» существо должно получить новые органы для прямого и ясного контакта с «веществом-энергией», его физиолого-органическая природа должна соответствовать новому вселенскому статусу. В повести «Рассказ о многих интересных вещах» герои Платонова непосредственно, на физиологическом уровне ощущают присутствие радиоволн. В «Чевенгуре» герои также получают способность не только непосредственно слышать радиосигналы, но и влиять на них с помощью прямого физического воздействия – «сокровенный человек» открывает у себя другие, ранее невозможные ресурсы и возможности. В «книжке» Платонова за 1935 г. содержится набросок «Сказки о мужике, который умел понимать голоса животных»³⁰. Преображенный человек Платонова может воспринимать реальность шире привычного набора пяти сенсоров, Платонов записывает: «Я звук могу увидеть, если его не слышать»³¹.

Подобно тому, как человеческое тело есть неотъемлемая часть живого «вещества существования», человеческая мысль в платоновской картине мира не принадлежит исключительно и только самому человеку, точнее – не является чем-то изолированным от Космоса, наоборот: это и есть прямое и адекватное выражение в человеческом существе энергии Космоса в ее непосредственной *функции связи*.

В произведениях Платонова последовательно развивается гипотеза о том, что, поскольку Космос состоит из вещества-энергии, то мысль — это та энергия, которой соответствует определенное количество и качество «вещества», а из этого возвышенного энергетически «вещества», подразумеваемого существованием человеческой мысли, и состоит сознание и тело человека (сегодняшнего временного или преображенного вечного), сжимающееся до размеров «точки» или обнимающее собою всю Вселенную. Работая в качестве мелиоратора, создавая свои художественные миры или отвечая в рецензиях на тексты своих коллег-писателей, Платонов оставался верен своей идее о том, что в способности любви, которая является родовым свойством человека как существа «вещественного» («сокровенного»), проявляется его свойство быть высшим проявлением основного (жизнетворного) качества «вещества мироздания», именно поэтому поиск ответа на «вопросы», по его мнению, находится «среди людей, а не среди животных и растений».

Выявляется важное правило платоновской поэтической грамматики: на определенном уровне человек несводим к химическому параметру своего тела, понимаемому лишь как определенный набор минералов, он является генератором энергии мысли, которая существенна постольку, поскольку способна преобразовывать мир. Это и есть основа его вечного существа, следовательно — неуничтожимого Бытия. Человек не может навсегда исчезнуть потому, что в нем заключена любовь, с ее прямой энергетической подпиткой со стороны вечной Вселенной. В записной книжке Платонов пометил: «Ведь ясно, душа не стареет в человеке, только тело ветшает, а “она” все та же... Бывают и молодые — старые, но это доказательство первого. Отсюда старухи такие молодые постоянно»³². Актуализируя мысль о «земном бытии» человека, Платонов уходит от идеалов гуманизма, сосредоточиваясь на концепции спасения человечества от царства смерти как прямого проявления энергетического голода. Описание роли человеческой мысли в Мироздании — еще одно «оправдание человека», которое предпринимает Платонов в своих ранних статьях. Согласно развиваемой здесь идее, мысль — основная форма непосредственного выражения энергетики Вселенной в человеке, подобно тому как солнечный свет — выражение Солнца, а уголь и нефть — выражение энергетики планеты. С другой стороны, любовь — есть направленность этой энергии по верному пути, своего рода разумное применение мысли. Никакая мысль не полезна без любви, записывает он в своей «книж-

ке»: «мысль, не парная с чувством, ложь и бесчестие»³³. Если высшее выражение энергии мироздания — это мысль, а направленная любовью мысль — сгусток «энергии вселенной», то, естественно, что в науке Платонов видит главное основание для любви человека к своей планете как родственной ему части мироздания: «Наука же, надежда на нее воспламенила в людях любовь к существованию, к *зеленой родной земле*»³⁴.

В основе любви как спасительной силы лежит инстинкт вечности и вектор движения, направленный на «живую плоть существования», устроенную так же, как и все, из чего состоит остальной мир. Другими словами, тело человека принципиально изоморфно и гетерогенно «веществу существования». Качество «пустоты», как готовности быть приемником живой энергии Космоса, любви-мысли, связано со свободой; с другой стороны — реализация свободы заключена в передаче другому ответственности за себя, таким образом любить значит принимать энергию, вырабатывать мысль-любовь, передавать ее другому, освобождаться от нее во имя возникновения нового состояния «пустоты», готовности для очередного акта принятия-выработки энергии жизни. Таким образом, любить для человека легче и естественнее, чем быть любимым и только пассивно принимать любовь, это последнее может быть описано как энергетическое рабство. «Любовь, это перекалывание ответственности на другого, а самому — право быть пустым»³⁵. В дальнейшем Платонов вплотную подходит к формированию своей «новой веры», религиозно-философской концепции всеобщего братства на основе спасения мира и человека. Пока же он только примеривается к этой идее, декларируя свою новую «науку» как выраженную в систематической «трудовой» форме любовь человека к «веществу мироздания». Эту любовь Платонов пытался вывести непосредственно из естественного, по его представлениям, прямого отношения человека к факту своего существования как сгустка «вещества мироздания», начало «сокровенности» и самого человека (тема, развернутая в повести «Сокровенный человек»). Поэтому начало начал и корень бытия — это любовь к Земле и к земле, любовь эта — «первый двигатель, начало жизни и ее рассвета, ее совершенствование, стремление ко всему непонятному, тайному и сокровенному»³⁶. Наука оказывается воплощенной в систематическую форму любовью человека к миру. Именно «сознательное мозговое усилие и делает все тайное явным, сложное — простым, страшное — покорным»³⁷. Отношение человека к факту своего существования на земле отливается в любовь к земле, любовь же эта — «первый двигатель, начало жизни и

ее расцвета, ее совершенствование, стремление ко всему непонятному, тайному и сокровенному»³⁸. Другими словами, сокровенность жизни — источник научного творчества и прямое проявление любви человека к миру.

Поэтому Платонов мечтает о приходе нового Мессии, вещественно-энергетическом воплощении Любви-Творчества-Свободы («новом Пушкине»), возможная трагическая безысходность которого в условиях апофеоза пищевой истории Европы описана в «Мусорном ветре» и в «Чевенгуре» (Лихтенберг и Дванов). Смерть и энергетический апокалипсис не могут быть побеждены гениальными одиночками, но лишь совокупными усилиями всего человечества, ставшего на путь преобразования своей/окружающей плоти Мироздания (о том же неоднократно говорил и Федоров в своей полемике с Ф. Ницше). На этом пути необходимо найти крайнюю точку в дихотомии «вещество-энергия», и если минимум энергетики вещества — это природные «песок» и «глина» в «Котловане, то в «Мусорном ветре» это «мусор», «прах» и «перхоть» цивилизации. Два знака энтропийного мусора, которые порождает человеческая цивилизация («перхоть») и мертвая равнодушная природа («песок»), семантически сближаются, указывая на их семантическое тождество, в романе «Чевенгур». Необходимость переделки живой и страдающей плоти земного шара естественно выходит из констатации невыносимости для планеты нетворческого, паразитического и рабского состояния живущего на ней человека («цивилизации эксплуатирующей, но не восстанавливающей», по выражению Федорова). Характерно, что свою собственную работу как мелиоратора Платонов описывал как «деятельность по возвращению к жизни умирающих рек»³⁹. По Платонову, человек, как непосредственное выражение вещества Вселенной, будет эволюционировать именно в сторону бессмертия и энергетического совершенства, которое состоит из двух параметров: умение вырабатывать, отдавать и принимать энергию Космоса (мысль) и развитие в себе чувствительности к распознаванию и верному применению окружающей энергии (любовь). Интерес Саши Дванова («Чевенгур») к машинам — совершенно другого типа, чем у старых мастеров, сакрализирующих машину: он видит «вещество существования», явленное в телах машин и людей, и его стремление понять машину оказывается поиском сокровенности «вещества», данной в Творении. Философская созерцательность Саши Дванова сродни поискам Святого Франциска, ищущего общий язык со всеми тварями и предметами Бытия: «Его влечение не было любо-

пытством, которое кончалось вместе с открытием секрета машины. Сашу интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он, скорее, хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать. Поэтому, возвращаясь с работы, Саша воображал себя паровозом и производил все звуки, какие издает паровоз на ходу. Засыпая, он думал, что куры в деревне давно спят, и это сознание общности с курами или паровозом давало ему удовлетворение».

Вернадский называет зеленое растение «трансформатором энергии», который улавливает и перераспределяет энергию Солнца, указывая тем самым на космическую функцию любого живого организма, составляющего «покров Земли», включая и человека, — это своего рода «трансформатор принесенной им энергии», в чем и проявляется «свойство живого вещества», его прямая «функция в биосфере»⁴⁰. Путь к преодолению энтропии и к будущей «ноосфере» лежит на пути усовершенствования тех свойств человека, ради которых «вещество жизни» приняло его форму. Человек цивилизации Нового Времени отказался, по мысли Платонова, от своей функции быть инструментом «вещества существования» по спасению от энтропии и остановки времени, отсюда и бедность энергии в Космосе, и бедность безмысленного существования человека. «Камень не мыслит, но обладает лишь потенцией мышления», — пишет Гулыга⁴¹. Однако Платонов иначе решает вопрос о том, что такое «мысль», что такое процесс мышления. Мышление как форма познавательной и социально-исторической активности человека выглядит в его глазах узким и недостаточным, мысль становится знаменателем всех форм энергии, и поэтому у Платонова камень, обладая массой, обладает и энергией, знаменатель всех видов энергии — мысль, следовательно — он «мыслит». Это революционное понимание процесса мышления позволило Платонову решить одну из самых важных проблем, поставленных космистами, — вопрос об отношении «родства», как сказал бы Федоров, не только между людьми, но и между людьми и «веществом», причем по важнейшему для Гомо Сапиенс параметру — наличию сознания.

В онтологической модели, сформированной в художественном мире Платонова, бытие оказывается прямо зависимым от разных форм энергии, переливающимся по известной схеме одна в другую, но человек, его уникальное место во Вселенной, своего рода платоновское «оправдание человека», заключается в том, что он способен накапливать в себе и реализовывать особую, высшую форму энергии — любовь, которая отливается в положительно окрашенные поступки, на-

правленные на другого человека, Землю, весь мир. Мозг человека, если его описывать на языке писателя, — это особым образом устроенный генератор-аккумулятор, который вырабатывает и накапливает в себе энергию мысли, универсальную энергию, но для верного приложения этих ресурсов необходима «любовь» как деятельная ответственность за все Мироздание. Эта энергия способна переливаться в другие энергетические формы (тепловая, механическая, ядерная) и быть направленной вектором «генеральной» активности человека («любви») к «веществу существования», причем именно к тем его участкам, которые наиболее сильно пострадали от энтропии (например, к сухому листку дерева, хранимому Вошевым). Согласно гипотезе, получившей художественное исследование в произведениях Платонова, именно эта энергия способна спасти мир от энтропии, что объясняется огромным энергетическим КПД «пролетария», платоновского героя-философа, способного употреблять в качестве пищи самые бедные энергетически вещества, создавая при этом колоссальные запасы «мысли», эффективно подпитывающие Вселенную и останавливающие энтропию.

Примечания

¹ Среди работ, затрагивающих ему тему, можно назвать следующие: *Шубин Л.А.* Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1987; *Толстая-Сегал Е.* Натурфилософские темы в творчестве Платонова 1920—1930 гг. // *Slavica Hierosolimyana. Jerusalem*, 1979. Т. 4. Тема «А. Платонов и Н. Ф. Федоров» также не раз поднималась как российскими, так и зарубежными исследователями. См.: *Teskey A.* Platonov and Fedorov. The Influens of Christian Philosophy on a Soviet Writer. Amersham, 1982; *Малыгина Н.* Эстетика А. Платонова. Иркутск, 1987; *Киселев А.* Одухотворение мира: Н. Федоров и А. Платонов // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 1. М., 1994. С. 237—248; *Семенова С.Г.*: «В усилии к будущему времени...». Философия Андрея Платонова // *Семенова С.Г.* Преодоление трагедии: Вечные вопросы в литературе. М., 1989. С. 318—377; *Ее же.* «Тайное тайных» Андрея Платонова (Эрос и пол) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 1. М., 1993. С. 73—131; *Ее же.* Философские мотивы романа «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995. С. 54—90; *Ее же.* «Влечение людей в тайну взаимного существования» (Формы любви в романе «Счастливая Москва») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999. С. 108—123.

² *Захарова М.В., Захаров В.А.* Андрей Платонов и русский космизм // *Русский космизм и ноосфера. Тезисы докладов Всесоюзной конференции.* М.,

1989; *Бальбуров Э. А.* Платонов и М. Пришвин: две грани русского космизма // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Новосибирск, 1995.

³ *Бочаров С.* «Вещество существования» // Андрей Платонов. Чевенгур. М., 1991.

⁴ См. об этом: *Фесенкова Л. В.* Русский космизм сегодня // Русский космизм и современность. М., 1990. С. 41.

⁵ *Флоровский Г. В.* Метафизические предпосылки утопизма // Путь. 1926. № 4. С. 36.

⁶ *Семенова С. Г.* Философия воскрешения Н. Ф. Федорова (I, 15).

⁷ См. об этом: *Баршт К. А.* Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., 2000.

⁸ *Вернадский В. И.* Проблемы биогеохимии // Труды биогеохимической лаборатории. М., 1980. Т. 16. С. 18.

⁹ *Вернадский В. И.* История минералов земной коры. Вып. 1. Пг., 1925. С. 198.

¹⁰ *Вернадский В. И.* Биосфера. Л., 1926. С. 17–18.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 10, 68.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 59.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 146.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ *Вернадский В. И.* Автотрофность человечества // *Вернадский В. И.* Проблемы биогеохимии. М., 1980. С. 240.

²² *Вернадский В. И.* Проблемы биогеохимии. С. 59.

²³ *Вернадский В. И.* Биосфера. С. 9.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 14.

²⁷ *Вернадский В. И.* Живое вещество. М., 1978. С. 56. Ср. принцип «цефализации» – постепенного улучшения и усложнения функций головного мозга в высших существах, открытый Д. Дана.

²⁸ *Семенова С. Г.* Философия воскрешения Н. Ф. Федорова (I, 19).

²⁹ См. об этом: *Манев А. К.* Субстанция, биопсиполе, бессмертие // Русский космизм (по материалам II и III Всесоюз. Федоровских чтений, 1989–1990 гг.). Ч. 1. М., 1990. С. 95.

³⁰ *Платонов А. П.* Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 167.

³¹ Там же. С. 266.

³² Там же. С. 123.

³³ Там же. С. 259.

³⁴ *Платонов А.П.* О науке // *Платонов А.П.* Чутье правды. М., 1990. С. 52.

³⁵ *Платонов А.П.* Записные книжки. Материалы к биографии. С. 157.

³⁶ *Платонов А.П.* О науке // *Платонов А.П.* Чутье правды. С. 52.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. М., 1993. № 1. С. 141.

⁴⁰ *Вернадский В.И.* Биосфера. С. 28.

⁴¹ *Гулыга А.В.* Космическая ответственность человека // Русский космизм и современность. С. 63.

Российская государственная библиотека
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской Академии наук
Музей-библиотека Н. Ф. Федорова

К 175-летию Российской государственной библиотеки

На пороге ГРЯДУЩЕГО

Памяти
Николая Федоровича Федорова
(1829–1903)

Москва
«Пашков дом»
2004